

Афанасий
САЛЫНСКИЙ

ТАЛАНТЫ

НАЦИОНАЛЬНОГО

ТЕАТРА

Мое первое знакомство с узбекским театром произошло в июне 1961 года. Я увидел спектакли «Хуррият» Уйгуна с прославленной актрисой Сарой Ишантураевой, «Люди с верой» И. Султанова, где в центральной роли профессора Камилова выступил известный Алим Ходжаев. А на постановке трагедии украинского писателя А. Львады «Фауст и смерть» (в Театре имени Хамзы она шла под названием «Здравствуйте, звезды») я оценил всю справедливость давнего высказывания Вл. И. Немировича-Данченко о большом темпераменте узбекских актеров, о том, что в их игре пафос сочетается с предельной искренностью.

И вот новая встреча. На сей раз «свидание» состоялось при посредстве книги театроведа Я. Фельдмана «Власти дум» (издательство литературы и искусства им. Г. Гуляма, Ташкент, 1970 г.).

На «свидание» явилось более 50 (!) актеров, представляющих около 100 (!!) сценических образов. Но общая картина не стала хаотичной и пестрой. Книга не превратилась в поверхностно-справочное издание.

Емкость этой аналитической, эмоциональной книги объясняется принципами ее построения. Широко известны талантливые монографии об отдельных актерах советского многонационального театра. Распространены и сборники творческих портретов известных артистов. Жанр и смысл труда Фельдмана — иные. Автор пытается (и небезуспешно) показать жизнь узбекского драматического театра последних 10 — 15 лет через достижения его актеров. Немного нынче театроведческих изданий, которые рассказывают о том, как современные актеры воплощают образы людей нашей эпохи. А на страницах этой работы рассматриваются образы тех, кто участвовал в Октябрьской революции, в битвах гражданской войны и в боях Великой Отечественной, образы наших современников, творцов коммунизма, создателей советского общества, борцов за свободу, прогресс и мир на разных континентах Земли.

Я не стану вдаваться в подробный анализ и оценивать, насколько точна характеристика каждого сценического персонажа. Скажу лишь, что критерии автора основаны на принципах партийности и народности искусства.

В показе широты театральной жизни — одна из привлекательных сторон труда Я. Фельдмана. Автор постоянно обращается к опыту русских актеров, соотносит достижения узбекских мастеров сцены с творчеством их собратьев по искусству. Охватывая единым взором сценические подмостки узбекских театров, Я. Фельдман ставит ряд «всеобщих важных» творческих проблем, которые проходят через всю книгу. Я бы выделил из них две, особенно заинтересовавшие меня.

Я. Фельдман исходит из того, что динамика современного развития реалистического искусства заключается во все большем расцвете глубоких, сильных, неповторимых индивидуальностей. Он на многих примерах показывает, что общие идейные концепции находят у актеров-художников индивидуально-личную трактовку. Его волнует вопрос личности актера, для которого сцена — средство общественного служения. Индивидуальность актера явилась основным «строительным» элементом данной книги.

Другая проблема, которая меня заинтересовала, может быть обозначена так: «Актер и драматург». Нигде не цитируя общеизвестное высказывание К. С. Станиславского о том, что творческие пути артиста и поэта идут параллельно и естественно приводят к одной общей творческой цели, в которой поэт сливается с артистом, автор на многих примерах как бы подтверждает эту мысль великого режиссера. Доказывая всю важность сохранения и развития традиции глубокого и последовательно творческого содружества драматурга и актера, Я. Фельдман говорит не только о важности их единомыслия. Да, очень хорошо, когда актер верит в автора, в жизненную содержательность роли, но существует еще и такое качество, как художественное созвучие, как близость стилистики писателя и артиста. Камиль Яшен и Шунур Бурханов, Уйгун и Сара Ишантураева, Иззат Султанов и Алим Ходжаев — вот некоторые примеры такого единства, которые приводятся в книге.

Книга написана ясно и живо, но встречаются в ней и вялые страницы. Тогда кажется, что такая тусклость — результат того, что и рассматриваемая роль не была достаточно ярко написана или сыграна. Не снимая с автора ответственности за подобные описания, я думаю и о том, что, наверное, ему надо было еще строже и требовательнее отбирать сценические образы. Ведь книга-то названа «Власти дум». Поначалу это наименование показало мне торжественным и чуть старомодным. Но когда я вспомнил, как почитательно говорили о мастерах своего театра мои коллеги из Узбекистана, я понял, что заглавие книги отразило их взгляд на искусство.